К МЕТОДОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК[1]

ГУСТАВ ФОН ШМОЛЛЕР
пер. с нем. Д.А. Шевченко,
научный редактор В.М. Ефимов

Два названных сочинения[2] чрезвычайно различны по направленности. Духовный тип и индивидуальности авторов также сильно отличаются друг от друга. Изначально эти сочинения имели для меня только внешнюю связь, так как я получил их в то время, когда после длительного перерыва готовился возобновить чтение лекций по методологии общественно-политических наук, и таким образом появился повод прочитать оба сочинения, одно за другим. А поскольку все-таки существует и внутренняя связь между ними, которая состоит в том, что они хотели проложить и указать пути нашим наукам, то мне кажется целесообразным рассказать о них здесь вместе, хотя и преимущественно в скромной реферативной форме, так как для исчерпывающего обсуждения и изучения поднятых обоими авторами проблем мне недостаточно времени, а относительно книги Дильтея и кое-чего еще. Только в отношении Менгера я не вполне могу сдерживать полемический настрой, ибо его нападки частично касаются лично меня.

В его книге содержится серьезная, не лишенная остроумности попытка теоретика национальной экономики защитить от нас, от социальных наук или, более того, от самой теоретической экономики ее настоящие методы, в стремлении вскрыть и отвергнуть заблуждения исторической школы, с претензией на реформу современного состояния политической экономии в Германии. Рассмотрим подробнее ее содержание[3]:

Согласно Менгеру, есть два главных направления в стремлении к познанию: одно желает постигать конкретные явления в пространстве и во времени в их отношениях друг с другом, другое – повторяющиеся проявления изменений этих явлений; первое изучает индивидуальное, а второе – общее, типическое, типичные связи. Как и во всех других областях, есть науки об индивидуальном и общем, это же имеет место и в области народного хозяйства. История и

[1] Перевод статьи сделан по [Schmoller 1998]. (Здесь и далее примечания научного редактора перевода.)

[2] Статья представляет собой рецензию на две книги, а именно книгу Карла Менгера [Менгер 2005] и книгу Вильгельма Дильтея [Дильтей 2000]. В подназвании статьи приводились имена и должности авторов рецензируемых книг, их названия, место публикации, названия издательств, год выхода в свет и количество страниц в каждой из них: Доктор Карл Менгер, ординарный государственный профессор общественно-политических наук Венского университета, *Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности*, Лейпциг, Дункер и Гумблот. 1883. XXXII, 291 с.; Вильгельм Дильтей, профессор философии Берлинского университета, *Введение в науки о духе*, *попытка оснований изучения общества и истории*. Том первый», Лейпциг, Дункер и Гумблот. 1883. XX, 519 с.

[3] В двух последующих абзацах Шмоллер пересказывает содержание первого раздела (первой книги) рецензируемого произведения Менгера. Читатель ни в коем случае не должен воспринимать содержание этих двух абзацев как мысли Шмоллера.

© Г. фон Шмоллер, 2011
© Д.А. Шевченко, перевод; В.М. Ефимов, научное редактирование, 2011

статистика занимаются индивидуальными народно-хозяйственными явлениями, которые, естественно, могут быть и коллективными проявлениями чего-то; задача же теоретической национальной экономики состоит не в анализе понятий, но исследовании общей сущности и общей взаимозависимости народнохозяйственных явлений. По сравнению с экономической историей, статистикой и экономической теорией экономическая политика и наука о финансах представляются всего лишь как голые учения об искусствах. В истории речь идет постоянно об индивидуальном процессе становления. В теории каждое отдельное конкретное явление представляется только как специальный случай некой закономерности. Обе деятельности не должны смешиваться; соединяя их, мы вредим систематике и методике нашей науки, пренебрегаем формированием теории. Два пути, по которым должна идти теоретическая национальная экономика: реалистическо-эмпирический и точный. Первый путь, связанный с индуктивным определением эмпирической действительности, никогда не открывает нам законов в строгом смысле, самое большее – эмпирические законы. Реалистическо-эмпирическое направление теоретического изучения исключает возможность добиваться очень точных (строгих) теоретических знаний во всех областях мира явлений. Поэтому мы должны пойти преимущественно другим путем, а именно точным путем, т.е., отталкиваясь от простейших элементов (лучше сказать, от определенных гипотез), делать заключения так, чтобы прийти к установлению типичных отношений, и в конечном счете, законов явлений. Это последнее направление, идущее по точному пути, в исследованиях в настоящее время совершенно не признано. То, что эмпирическая действительность не совпадает с выводами точных исследований, является вполне естественным. Требовать такого совпадения — значит, не признавать самых элементарнейших основ научной методологии.

Акцентирование нераздельной связи экономического развития с социальным и государственным противоречит точному направлению теоретического исследования, фундаментальным принципом методологии которого является то, что только изоляция проблем и теоретическое исследование отдельных сторон движет науку вперед; призрак же универсальной теории социальных явлений может только запутывать. Так как теоретическая национальная экономика совсем не имеет задачи научить нас понимать универсальную природу экономических явлений, но хочет добыть нам лишь понимание особой, разумеется, самой важной стороны экономической жизни человека, то исходить главным образом из психологических мотивов человеческих действий вместо побудительной причины корысти является смешной, едва ли постижимой глупостью. Химик смеет абстрагироваться от физических сопутствующих обстоятельств химических явлений, Аристотель и Гуго Гроций исходили исключительно из общественного побуждения[4]. Упрек атомизма, который сделали «точному» (который следует назвать «манчестерско-индивидуалистическим») направлению теоретической национальной экономики, порождает только ложные аналогии, которые исторические национальные экономисты заимствовали у исторической юридической школы. Феномены народного хозяйства являются всего лишь результатами стремлений самостоятельного хозяйства и должны рассматриваться

[4] Шмоллер имеет здесь в виду, по-видимому, следующую фразу из книги Менгера: «Аристотель и Гуго Гроций, конечно, ясно понимали, что кроме стремления к общественности и сообществу еще и другие факторы влияли на образование государств» [Менгер 2005. 351].

только с этой точки зрения.

Давайте остановимся здесь, в конце первой книги, чтобы объясниться с автором. Разделение направлений познания, из которого он исходит, несомненно, имеет некоторые основания. Как описательную ботанику и зоологию противопоставляют физиологии растений и сравнительной анатомии, так могут противопоставляться статистика и история (а рядом с ними описание путешествий, экономические описательные работы, отчеты о выставках, географические и этнографические труды) работам, которые хотят представить общую сущность народно-хозяйственных явлений. Но это противопоставление не должно восприниматься как непреодолимая бездна. Наука об индивидуальном, я бы лучше сказал, описательная наука, поставляет подготовительные материалы для общей теории, которые тем совершеннее, чем полнее описаны явления по всем существенным признакам, изменениям, причинам и следствиям. Совершенное, безукоризненное описание предполагает вновь созданную совершенную классификацию явлений, совершенное образование понятий, правильное упорядочение единичного по наблюдаемым типам и полный обзор возможных причин. Каждое полное описание есть вклад в установление общей сущности упомянутой науки. А чем совершеннее наука, тем теснее связь между полными описаниями и учениями о взаимосвязи вещей. Чем несовершеннее в науке описательная часть, чем в большей степени теория представляет собой сумму предварительных, еще сомнительных, частично преждевременных обобщений, тем больше расстояние между описанием и теорией. Вот так я оцениваю состояние социальных наук, частично также и национальной экономики, несмотря на ее относительно большие успехи. Выход состоит в том, чтобы сначала, и прежде всего, приумножить, обострить, улучшить наблюдение, дабы с помощью более обширных и лучших описательных опытных материалов всех видов улучшить классификацию явлений и образование понятий, прояснить в полном объеме типичные ряды явлений и причины их взаимозависимостей. Если порой в науке действуют преимущественно описательно, то это вовсе не означает пренебрежение теорией, но представляет собой ее необходимый фундамент. Только если плох описательный материал, обоснованны упреки в адрес этого направления исследований. То, что порой часть сил уходит на такие описательные работы, составляет суть исцеления научной работы [от схоластики]. Если в настоящее время, как сетует Менгер, в научном развитии теории вообще мало что происходит, то это в меньшей степени укор в адрес тех, кто проводит исторические исследования, чем в адрес тех, кто проводит теоретические исследования. Если Менгер жалуется на исторические труды Рошера и Гильдебранда, то они ведь не виноваты в том, что он и теории Шеффле также находит неприемлемыми. Менгер, конечно, прав в том, что историки науки, как правило, не являются ее великими теоретиками, что историческое направление, возможно, слишком осторожно относится к обобщениям и теориям. Однако это естественные ошибки их добродетелей. Мы, смертные люди, можем только односторонне достичь чего-либо. После того как старая абстрактная национальная экономика создала нечто великое, иссяк источник ее жизненных сил, потому что она превратила свои результаты в слишком абстрактные схемы, оторванные от всякой реальности. Этому разрушенному духовной чахоткой абстрактному направлению не смогло помочь не только его продолжение, но и даже переворот, который

пытался понять вещи совсем с другой стороны[5]. То, чего достигло историческое направление, стояло на почве более старой теории[6], однако в известной мере то, что она создала, сохранится для будущего. А в будущем для национальной экономики придет новая эпоха, но только через использование всего создаваемого сейчас историко-описательного и статистического материала, а не через дальнейшую перегонку сотни раз дистиллированных абстрактных тезисов старого догматизма. Тот факт, что мы сейчас видим появление новых теоретических форм[7], убедительно доказывает правдивость этого замечания.

Менгер указывает национальной теоретической экономике два пути, которые он называет реалистическо-эмпирическим и точным; при этом он имеет в виду то, что иначе называют индуктивным и дедуктивным методами. Первый путь – это просто выделенный им ранее как особая наука индивидуального, как наблюдательная наука. По его мнению, этот путь не дает строгих и точных результатов, потому что даже самое хорошее наблюдение еще не гарантирует повторение наблюдаемого случая. С нашей точки зрения, это рассуждение неверно, так как если наблюдение количественно и качественно совершенно, то логично предположить, что одинаковые качественные и количественные причины опять и опять будут приводить к однажды уже наблюдаемым последствиям. Это просто закон мышления относительно условий, которые порождают следствия. На нем и должна преимущественно базироваться теоретическая наука национальной экономики. То, что Менгер говорит о необходимости изолирования наблюдаемого явления, в принципе верно, и можно также добавить, что благодаря такому изолированию был достигнут большой прогресс в нашей науке. Но разве из этого следует, что однажды с успехом примененное изолирование должно быть слепо применено для всех последующих исследований в той же самой науке? Разве это не то же самое, как если бы захотели обязать естествоиспытателя, исследующего определенный материал, всегда проводить один-единственный эксперимент? Изолирование, которое сегодня проводится химиком, будет завтра при следующем эксперименте оставлено, чтобы объект мог быть изучен с другой стороны. И, кроме того, определенные изолирования могут быть абсолютно неверными. Химик должен отважиться на абстрагирование от физических свойств химического состава, но, если он исследует атмосферный воздух и по закону изолирования Менгера скажет: «Я рассматриваю только азот, потому что он доминирует», — то его сразу же выбросят из лаборатории.

Если при исследовании цены в свое время исходили предварительно из личных интересов, как из, как казалось, всегда имеющими место элементами, то это было полезно, чтобы объяснить простейшие процессы рынка; но неверно распространять это правило на все будущие исследования, на изучение всех сложных народно-хозяйственных процессов. Во всяком случае, надо себе уяснить, что когда исходят из гипотез, то и имеют только гипотетические тезисы, которые не должны

[5] Имеется в виду, по-видимому, переход от классики к неоклассике, т.е. «маржиналистская революция».

[6] Густав Шмоллер в качестве предшественников немецкой исторической школы называет итальянца Фердинандо Галиани и шотландца Джеймса Стюарта [Schmoller, 1998:,198]. Оба опубликовали свои основные труды до появления « Богатства народов » Адама Смита, и в отличие от последнего не содержали идеологизированных теорий, а были посвящены анализу экономических проблем на базе имеющихся данных с целью способствовать их практическому решению.

[7] Здесь Шмоллер, по-видимому, имеет в виду герменевтическую методологию Вильгельма Дильтея, книгу которого он далее разбирает в этой статье.

получать благодаря вводящему в заблуждение слову «точный» видимость самой строгой научности.

Например, Милль в своей книге по логике предостерегает об этом самым серьезным образом. И он прав, когда, обозначает свой исходный пункт не как метод изолирования, а как выводы из конечных[8] элементов, что полностью опровергает Менгера. Действительно, если имеются базовые элементы науки или области знания, то и все последующее относительно просто; всякая совершенная наука дедуктивна, поскольку, как только базовыми элементами овладевают полностью, то и самое сложное может быть только комбинацией этих элементов. Но эти простые элементы, которые установлены в математике и в отдельных разделах физики, не исследованы и не разъяснены ни в одной из наук о человеческом мышлении, чувствах и действиях, и в меньшей степени в социальных науках, настолько, чтобы можно было их использовать для умозаключений. По моему субъективному ощущению, нужна наивность кабинетного ученого, чтобы увидеть в этом изменчивом мире конечные базовые элементы — в научном смысле этого слова — в проявлении человеческих потребностей и личного интереса. Если бы корыстный инстинкт или эгоизм были бы конечными элементами в строго научном смысле, то они должны бы в научной психологии быть четко отделены от других душевных сил. Но об этом нет и речи. И именно поэтому вот уже около 50 лет все глубокие научные попытки, такие как социализм, а также историческая школа и догматики Рау (Rau) и Герман (Herman), искали улучшенные психологические основы национальной экономики. Этот поиск оказался до сих пор столь мало плодотворен, потому что те, кто этим занимался, не осмелились обратиться к источнику, т.е. к научной психологии по причине своей отгороженности от других дисциплин из-за боязни нарушить научную специализацию труда.

Что касается принятия во внимание государства и общества, обычая и права для объяснения теоретических проблем национальной экономики, то наша наука должна, конечно, разрабатывать только теорию хозяйственной стороны жизни народа. Менгер признает, что экономическая наука не должна рассматривать народное хозяйство без государства и сам хочет изучить общую природу народно-хозяйственных явлений. К этому, прежде всего, относится теория, каковая покоится на наблюдении, которое может похвастаться объективной валидностью и исчерпывающей точностью. Но среди признаков такого научно полезного наблюдения наш первый немецкий логик Siegwart приводит следующие требования: «От частного с самого начала требуется, чтобы оно рассматривалось как часть целого и в его воспринимаемых отношениях с последним». Наблюдение народного хозяйства не будет научно полезным, если условия экономической жизни будут рассматриваться вне их связи с жизнью нации и государства[9]. А как же можно справиться с большими фундаментальными вопросами народного хозяйства, не задумываясь об отношениях государства и народного хозяйства? Как говорить об отношениях между индивидуальным предпринимательством, корпоративными и государственными предприятиями,

[8] То есть элементарных, неделимых далее, базовых элементов. Эти элементы могут принимать форму аксиом.

[9] Менгер выступал с противоположным тезисом: «Мнение, будто явления народного хозяйства следует изучать в неразрывной связи их с общим социальным и государственным развитием народов <…> является методологическим абсурдом, по крайней мере в качестве постулата для точного направления теоретического исследования в области народного хозяйства» [Менгер 2005: 342 - 343].

отношениях между семейными хозяйствами, предприятиями и государственным сектором экономики, не касаясь сути государства и проблемы хозяйственной свободы, которая может обсуждаться только на основании скорее философской теории о границах морали, нравов и права, а также отношениях между индивидуальной свободой и государственным принуждением? Те, кто, как и, по-видимому, Менгер, ограничивают экономическую теорию рамками учения о формировании стоимости и цены, распределения дохода и денежной системой, не нуждаются во всем этом или, по меньшей мере, делают вид, конечно, не могут предложить никакой теории [действительно] общей природы народного хозяйства. В шестой главе своей книги Менгер уже не хочет [предложить такую теорию], однако полагает, что экономика является точной наукой, т.е. он рассматривает то, что она считает первыми [конечными, базовыми] элементами, из чего делает некое количество верных дедуктивных выводов, на фоне которых презрительно отбрасывает в сторону эмпирическую действительность как нечто безразличное. Хотя так много изобретательности и последовательной согласованности тратится на эту «точность», но мы, роющиеся в пыли эмпирики, находим странным и рассматриваем как недоразумение противоречие между желанием создать учение об общей природе народного хозяйства и схоластическими умственными упражнениями, столь же неверными, как и сами их предпосылки. Менгер говорит, кто хочет законов, тот должен абстрагироваться. Мы отвечаем, что на абстракции, разумеется, покоится всякое мышление и познание; только все дело в том, что нужно правильно абстрагироваться, чтобы в результате наших абстракций получилась научная истина, а не схематические фантомы, воображаемые робинзонады, которые столь многократно заменяли народно-хозяйственные исследования и истину. Мы против того, чтобы сразу же иметь законы любой ценой, мы не думаем, что сможем собирать их, как ягоды, потому что мы в первую очередь ищем истинное знание, т.е. необходимые и общие истинные суждения; а если законов не обнаруживаем, то довольствуемся работой по совершенному наблюдению действительности, работой над классификацией, вытекающей из материала наблюдений, и работой над исследованием причин. Так мы находим типичные ряды и вероятности уже в достаточном количестве для того, чтобы построить теорию общего характера и связей народного хозяйства, которая совсем не должна стать «призраком универсальной теории общественных явлений». Тем не менее, мы считаем, что некоторые «общие» утверждения, аналогично тому, как это имеет место о физических связях масс, мы можем сделать относительно появления духовных массовых движений, об этике, морали и праве, о государственной власти и гражданских правах и т.д., которые для всех социальных дисциплин являются общими, и во введении к курсу национальной экономики также должны быть представлены[10]. Таким образом, не вносится в экономическую теорию никаких специфических аспектов исторического исследования, но оно используется для изучения психических и социальных процессов, одновременно являющихся и экономическими, при этом используются все знания, которые имеются в этих областях. Мы не столь претенциозны, чтобы пытаться объяснить самое сложное, что существует, исходя из одного-единственного элемента, исключительно с целью остаться «точными», т.е. дедуктивными. Мы не верим в то, что нужно оставаться на почве экономической теории, используя несостоятельную психологическую гипо-

[10] Сейчас такими общими утверждениями, с которыми наверняка бы согласился Шмоллер, являются положения конструктивисткого институционализма.

тезу, а требуем рассмотрения всех основных причин экономических явлений. И как только мы поверим, что нашли их, мы вновь осмелимся дедуктивно делать выводы. Это не форма «многосторонности, которая лучше всего сохранила немецкую науку», а это научный метод, и, на мой скромный взгляд, лишь он один ведет нас вперед.

Наряду с возражениями, которые я сделал против основного содержания первой книги, я хотел бы сказать еще несколько слов о трактовке экономической политики и финансового дела как о простых уроках искусства. Эти дисциплины, как их обычно излагают, представляют и коверкают в старых учебниках, хотят одновременно выступать как практические руководства; старые, частично еще используемые книги, были не что иное как общественно-политические, административно-правовые и финансовые рецептурные справочники. Но прогресс нового времени преодолел это. Второй и третий тома Рошера, финансовая наука Штейна и Вагнера представляют собой самые удавшиеся попытки поднять эти дисциплины до ранга теоретических наук. Сможет ли это стать только теорией общей сущности области явлений в целом, а не теорией частей, теоретическим изложением отдельных важнейших сторон предмета? Практическая национальная экономика может полностью сбросить одеяния учения об искусстве, если она представит в единстве специальное развитие немецкого, франко-английского народного хозяйства последнего столетия со стороны аграрной, промышленной и торговой политики, согласно причинам и следствиям. Она ограничивается тем, что действует описательно, но является, возможно, хорошим или лучшим воспитательным или обучающим средством для будущих служащих, чем когда она остается голым учением об искусстве, т.е. когда она дает советы по свободной торговле или социалистическому государству. Она тогда дает учащимся конкретную индивидуальную картину, однако упорядоченную по понятиям, типам, связям, которые исходят из общей теории национальной экономики, и специализированную на поиске подробностей явлений и причин, которые отсутствуют или уходят в тень в общей, и потому выцветшей, картине общей национальной экономики. И все то же самое относится к финансовому делу: оно также по большому счету становится наукой, если, исходя из сравнительной финансовой статистики, возносится до учения об общей сущности государственного хозяйства.

Для тех, кто придерживается этой точки зрения, методологические различия в содержании теоретической и практической национальной экономики характеризуются только степенью наличия в них того и другого, а не являются, как у Менгера, фундаментальными. Кто так думает и учит, тот не может считать ужасным научным преступлением смешение методов теоретической и практической национальной экономики.

Я намерен не столь принципиально не соглашаться с тем, что Менгер высказывает во второй книге, где он излагает по пунктам свои общие обвинения и идеи[11]. Он сразу начинает с уступки историческому направлению в том, что экономические явления, как деньги, проходят различные ступени и формы развития, что отдельный «рабочий», отдельное «предприятие», отдельный «торговый кризис» переживают различные стадии. Делая это выявление стадий, нужно знать, что так каждое отдельное экономическое явление претерпевает свои индивидуальные изменения; институты претерпевают преобразования в течение

[11] Далее в этом и следующим абзаце Шмоллер пересказывет мысли Менгера, а не свои собственные.

десятилетий и веков. Но, пишет он, нельзя стремиться к тому, чтобы создавать столько экономических теорий, сколько имеется различных ступеней развития. Теоретик ограничился бы тем, что принял бы определенное значимое состояние народного хозяйства с учетом места и времени как основу своего представления, и только между прочим указал бы на изменение других времен и народов, как европейский анатом между прочим принимает во внимание отклонения в теле негра или майя. Поскольку требования исторической школы шли дальше, они неверны. Если она опасается всякого обобщения, обвиняет космополитизм и перпетуализм теории, то она должна осознавать, что и ее обобщения не схватят действительности; реалистическое направление должно постоянно довольствоваться приближенными значениями в науке. Не отрицая исторические изменения, точное направление не желает обращать на них никакого внимания, т.к. для него каждая новая форма явлений есть новая проблема; историческое развитие расширяет круг его объектов, но не касается его метода.

И здесь следует список грехов псевдоисторических направлений: они только приукрашивают исторические теории историческим дополнением; они считают историю литературы и догм самостоятельной теорией; они вообще смешивают опыт с историей, в то время как рядом и над ними стоит все же наблюдение единичных явлений человеческого хозяйства; они смешивают философию истории с национальной экономикой, полагают найти в параллелизмах окончательное главное содержание теории национальной экономики. В практической экономике, как учении о голом искусстве, принятие во внимание временного, пространственного и т.д. различия и так уже является само собой разумеющимся, так что особый акцент на историческом развитии имеет очевидное значение только как предостережение от ошибки.

В этих рассуждениях второй книги есть некоторая доля правды; частично можно согласиться также со списком грехов исторической школы. Но разве это исключает правоту данного направления, устраняет его заслуги в углублении и обогащении всей науки? Уступки, которые делает Менгер в начале книги историческому рассмотрению, ни в коей мере не исчерпывают его значения. Менгер, безусловно, не может понять основную причину и необходимость исторической школы, потому что он игнорирует органы [управления и координации], принятие во внимание которых представляет собой возврат к научному пониманию действительности вместо абстрактных туманных картин, лишенных всякой реальности. Менгер также не видит, что все важнейшие экономические явления настолько обширны во времени и пространстве, что они доступны только при обобщенном рассмотрении, как это принято в истории и статистике. Это от него скрыто, потому что в он основывается исключительно на рассмотрении отдельного хозяйства, думает всегда только об обмене, стоимости, деньгах и т.д., а не о народно-хозяйственных органах и институтах, которые составляют скелет народно-хозяйственного тела[12].

А то, в чем Менгер с исторической школой соглашается, он отменяет замечанием, что теоретик национальный экономики должен обосновать свои представления об экономике по отдельному значимому состоянию с учетом места и времени. Тем самым он признает, что он, как и вся старая догматическая экономическая наука, занимается только состоянием сегодняшней Западной Европы и что он разделяет большую методологическую ошибку, перенося сущность

[12] Выделено научным редактором перевода.

своего времени на общую сущность народного хозяйства. Хотя верно его возражение о том, что из процессов изменения происходящего не должно возникать несчетное количество различных теорий для каждой фазы развития; но почему бы одна эволюционная теория не должна объяснять преобразования каждого института[13]; почему мы должны довольствоваться единственным временным разрезом происходящего, а именно настоящим? Если Менгер может делать сравнения экономик различных времен и народов, используя очень неудачную аналогию и рассматривая их как анатомические отличия индоевропейского и малайского тела, то это показывает, как мало автора заботят экономические институты других времен. Я хотел бы сказать, что тем, что он в этом признался, он дает себе отставку как теоретик и становится тем, о чем он так много говорил выше, — художником ограниченной временем и пространством картины, не принимающим общую сущность экономики близко к сердцу, даже если он полагает, что точно сконструировал это изображение из простых базовых элементов.

В третьей книге автор описывает попытки понимания социальных явлений путем аналогии с естественными организмами, осуществленные в основном Кэрри (*Carey*), Шефле (*Schaeffle*) и Лилиенфельдом (*Lilienfeld*)[14]. С этой соблазнительной точки зрения социальные явления выступают как единое тело, которое функционирует целесообразно, в своем развитии демонстрирует процессы, протекающие естественно и непреднамеренно. Но все же только часть социальных явлений обнаруживает аналогию с естественными организмами. Многие из них, наоборот, есть результат человеческого расчета, законодательства, договоров. Даже там, где есть аналогия, она не является полной. Воззрение относительно так называемого взаимодействия причины и следствия является, по сути, бессмысленным, потому что любая вещь, которая является одновременно и причиной и следствием, должна быть отклонена как темный, не адекватный нашему мышлению способ выражения. Еще более неприемлемой является аналогия относительно т.н. органического происхождения естественных и социальных образований; якобы последние являются результатом или общественной воли, или индивидуальных стараний, с их вероятно непредсказуемыми результатами. Разумеется, задача теоретиков общественных наук заключается в том, чтобы распознать социальные частные феномены в их значении и функции для целого. А поэтому перенос исследовательских результатов психологии и анатомии по аналогии в политическую экономию является такой же бессмыслицей, как если бы физиолог захотел объяснить нервную систему посредством аналогии с работой системы телеграфной связи. Аналогия могла бы применяться только с целью «представления»; как метод исследования она являлась бы ненаучным, ложным путем. Она склоняла бы к тому, чтобы недооценивать точное исследование, т.к. естественные организмы якобы исключают полностью точное объяснение.

Что касается происхождения социальных структур, которые основываются на общей воле, то исследования, проведенные [немецкой исторической школой] пролили на это полную ясность, и для этого нужно было прагматично обратиться к намерениям, взглядам, мнениям и средствам объединенных

[13] Выделено научным редактором перевода.

[14] Далее в этом абзаце Шмоллер воспроизводит критику Менгером аналогии между социальными структурами и живыми организмами, аналогии, к которой апеллировал основатель немецкой исторической школы Вильгельм Рошер.

[в сообщества] людей или власть имущих. [Социальные] образования, происхождение которых не объясняющееся таким образом — самая странная проблема общественных наук; ценообразование, рынок, деньги, как и язык, государство и право в немалой степени являются никак не продуманным результатом социальной эволюции. Можно было бы подойти к этой проблеме в деталях эмпирико-реалистически, но это было сделано в Германии так многократно, что представление здесь этих результатов излишне. В противовес этому Менгер хочет дать точную интерпретацию т.н. органических социальных структур и выбирает в качестве примера происхождение денег — процесс, который, по-видимому, прямо противоречит чувству, направленному на индивидуальный интерес. Трудность натурального обмена — так главным образом звучит объяснение Менгера — создала сначала пользующиеся спросом популярные товары, и потом сами собой появились деньги.

К этому «точному» объяснению, никоим образом не поражающему своей новизной, примыкают несколько подобных коротких тезисов о происхождении населенных пунктов, о причинах государства: «Изначально они не являются результатом соглашения, договора, закона или особого внимания отдельных индивидов к общедоступному интересу, но результирующая стремлений, ведомых индивидуальным интересом[15]».

В четвертой книге Менгер разъясняет нам, что это рассмотрение отличается от старого подхода А. Смита. Он упрекает его учеников в том, что у них многое прагматично объясняется общими договоренностями людей. В противоположность этому он хочет свести общественные образования больше к игре индивидуальных устремлений, которые непреднамеренно ведут к общественным общим результатам.

Конечно, он прав в том, что все общественные образования, в конце концов, объясняются индивидуальными психическими процессами. Но индивидуальная духовная жизнь не исчерпывается противоречием: договоренность и эгоистическое устремление; она состоит из бесконечного количества себялюбивых и отзывчивых чувств и стремлений, и в обоих этих случаях, частично посредством сознательной договоренности, частично посредством бессознательного или только чувственного согласия они ведут к дальнейшим результатам, к более постоянным формам экономической и общественной жизни. Мне кажется, здесь имеется существенный пробел в кругу представлений и идей Менгера. Он как будто не знает, или намеренно игнорирует, то, что большой новейший прогресс эмпирической и философской психологии, языкознания, философии права и этики, значительно приблизились к тайнам индивидуальной духовной жизни и психических массовых явлений. Мне кажется, что не только сложнейшие общественные проблемы, но и учения об эгоизме, об экономических побуждениях и добродетелях, о человеческих потребностях, о формировании стоимости, о предложении и спросе и т.д. являются чрезвычайно углубленными

[15] Здесь, по-видимому, Шмоллер вольно цитирует следующее место из книги Менгера: «То социальное явление, которое мы именуем государством, оказывается, по крайней мере, в его первоначальнейших формах, непредсказуемым результатом стремлений к индивидуальным интересам. Точно так же можно было бы указать, что другие социальные институты: язык, право, обычай и в особенности многочисленные институты народного хозяйства – возникли без всякого прямого соглашения, без законодательного принуждения, даже без всякого отношения к общественному интересу, исключительно благодаря импульсу индивидуальных интересов, как результаты осуществления последних» [Менгер 2005: 416].

и так сильно поднятыми на другой научный уровень с помощью этих элементов, что вся постановка вопроса о том, какие структуры являются результатом договоренностей, а какие результатом служения индивидуальным интересам, более не является уместной и не соответствует состоянию нашего сегодняшнего познания. Я не хочу об этом дальше распространяться, замечу только, что уже практическое применение этих философских исследований, которое предпринял Шэффле (Albert Schäffle) в своем построении и жизни социального тела[16], должно было предохранить науку от того, чтобы вновь отказаться от помощи [всех этих достижений].

Последняя, четвертая книга имеет литературно-историческое содержание. Вначале цитатами из Макиавелли, Бодинуса, Бэкона, Платона, Аристотеля, Сисмонди и Баумштарка доказывается, что основы исторической школы немецких специалистов по политэкономии уже давно были известны в политических науках. А также и то, что упоминания об учении относительности средств [исследований] всегда существовали с тех пор, как стали писать о политических вещах. Потом доказывается, что я неправильно понял авторитетную реформаторскую мысль исторической юридической школы и что историческая школа немецкой национальной экономики считает себя исторической в смысле последней только по недоразумению. Савиньи[17] и Нибург, как ученики Бурке[18], казалось бы, понимают право, в отличие от рационалистического прагматизма, скорее как сознательную деятельность непреодолимых сил, а не как бездумный результат высшей мудрости, и в то же время они нигде не говорят об относительности правовых институтов. Перенос их учения на национальную экономику, полагает Менгер, открыл бы нашей науке «неизмеримую область плодотворной деятельности» в духе Бурке. Эта живая симпатия к мистицизму народного духа[19] в стиле Савиньи явно восходит к отвращению Манчестерской экономической школы к любой сознательной деятельности коллективных социальных органов. Как право происходит из самого себя, так и экономика должна быть предоставлена сама себе, понимаемая только как игра эгоистических, но в то же время и гармоничных интересов. Я думаю, что хотя эта необъятная область плодотворной деятельности была достаточно проработана, она уже длительное время не приносит плодов. Прогресс [немецкой экономической исторической школы] по отношению к Савиньи состоял в том, что Рошер не сделал эти мистические представления романтической школы своим исходным пунктом.

Менгер считает, что вместо того чтобы идти путем [Савиньи], появилось некоторое количество посредственностей (Spittler, Luden, Poelitz, Weber, Waechter), которые были наполовину политики, наполовину историки, которые пошли по ложному пути одностороннего историзма и спровоцировали тем самым регресс, оставив далеко позади точку зрения Бодэн[20]. Как основатель собственной экономической исторической школы, католик еретик Сервинус появляется со своей книгой, опубликованной в 1836 г. и посвященной обсуждению поли-

[16] Шмоллер здесь имеет в виду книгу *Bau und Leben des socialen Korpers* (2nd ed. 1896).

[17] Познакомиться с идеями Фридриха Карла фон Савиньи и других представителей немецкой исторической школы права XIX в. можно в книге *Немецкая историческая школа права.* Челябинск: Социум. 2010.

[18] Edmund Burke (1729–1797).

[19] Философская позиция исторической школы права понимала его как выражение «народного духа» (*Volksgeist*).

[20] Jean Bodin (1529–1596) – французский юрист, философ и политолог.

тики Даля (Dahl), в которой он требует основывать учения о государстве на общеисторических универсальных знаниях. Рошер опирается на эту мысль, не изучая историю одного народа, как Савиньи и Эйхорн, а сравнивая истории всех народов, знаниями о которых он владел. Так он добился того, чего хотел Сервинус для политики, а Бодэн для учения о государстве. Но мы должны сделать замечание: если основатель школы поставил себе слишком высокую цель, если он слишком быстро стремится к универсальности — разве поэтому [его основополагающая] мысль неверна?

После рассмотрения [идей] Рошера скажу еще несколько слов о Книзе[21], который, как мне кажется, недостаточно справедливо оценен. Книз как никто другой развил до высокого совершенства методологические постулаты реалистического направления в области экономики и как никто другой вообще осознал самостоятельное значение точного направления теоретического исследования явлений в вышеупомянутых областях, природу их точных законов и вообще законов экономики. Вряд ли можно поверить, что можно дать негативную оценку человеку, который проделал колоссальную историко-экономическую работу, который в свои юношеские годы востребовал исторический метод, а в своих более поздних работах о деньгах и кредите оставил то лучшее, что создала немецкая теоретическая национальная экономика на основе этого метода.

Заканчивая разбор книги Менгера, мы разрешим себе добавить несколько слов об авторе, к которому мы, конечно, хотим подойти настолько близко, насколько он привык подходить к своим историческим противникам.

Менгер – проницательный диалектик, логический ум, необычайный ученый, но ему очень не хватает универсального философского и исторического образования, как естественной широты горизонта, который способен всесторонне вмещать в себя опыты и представления. Он прав во многих отдельных вещах: в том, что высказался против исторической школы немецких экономистов; его исследования будет с интересом и пользой читать каждый, кто занимается этими вещами, в определенном смысле они представляют собой радостный знак духовной упругости и научных разногласий, которые характеризуют сегодняшнюю немецкую общественно-политическую науку. Но он точно не будет действовать как реформатор. Он, скорее, эпигон, который обучен исключительно естественной школой Милля и исключительно примыкает к более старой догматике национальной экономики, уголочку большого здания нашей науки, который точно известен только ему и в котором он уединился с проницательностью и ученостью; его принимают за целое здание, во всяком случае, за наилучший и значительнейший салон в этом же здании. Мы утверждаем, что не прав не его уголок, но только, что он из него не видит целое; мы считаем его плохим не за то, что он защищает свой способ, а за то, что он с чрезмерным чувством школьного учителя берет палку в руки и осмеливается ходить по другим комнатам здания и бить по пальцам того, кого находит там с не с такой духовной печатью, как у него. Мы никогда не осмелились бы применить к нему вывернутое наизнанку гордое слово пренебрежения для историков, которые неспособны решать наивысшие задачи специальных наук, а хотели бы превозносить свою собственную неспособность в качестве критерия для значимости научных достижений, даже если бы он принял слишком близко к сердцу слова Гете, что только негодяи скромны.

[21] Здесь Шмоллер хотел сказать также что-то о Гильдебранде, но так и не сделал этого.

Дильтей, я бы сказал, является во всем полной противоположностью Менгеру, несмотря на то, что он соприкасается с ним в единственном пункте, когда не одобряет растворения в истории теоретических наук о государстве, обществе и экономике. Горизонт у него настолько же широк, насколько ограничен у Менгера. Универсальность его намерений и его образования столь же достойны восхищения, как притягательно своеобразие его понимания, которое с пренебрежением отвергает все традиционные распространенные пути. То, что он предлагает нам в первом томе, является, правда, только отрывком, началом. Первая вступительная книга должна дать нам обзор взаимозависимости отдельных гуманитарных наук и доказать необходимость основополагающей науки; вторая книга демонстрирует нам историческое развитие гуманитарных и общественно-политических наук, как долго они оставались в плену метафизики, с намерением доказать, что время метафизического обоснования навсегда ушло. Эта б**о**льшая часть книги дает обзорную историю наук и научной мысли до XVIII в. и одновременно показывает нам, как гуманитарные и общественные науки выросли на материнской почве познания. Кульминационным пунктом в этом обзоре или, скорее, тем, что больше всего интересует общественно-научные круги, является генезис греческих, средневеково-религиозных и абстрактных естественных гуманитарных и общественных учений XVIII в. С обнаружением истории происхождения этих теорий соединено познание их границ.

Первый том заканчивается блестящим разбором становления современного научного духа и заключительным рассуждением о невозможности метафизического познания.

Второй том должен следовать за историческим процессом до стадии отдельных наук и теории познания, представлять и разбирать теоретические работы о познании до наших дней, затем на этой основе пытаться заложить теоретические основы гуманитарных наук.

Дильтей ставит в центр исследования отношения исторического рассмотрения и теории. Он говорит, что отдельные гуманитарные науки возникли в период окончания средневековья, они служили метафизике до XVIII в. Возросшая власть естественного знания повлекла за собой подчинение гуманитарных наук естественнонаучным образцам. Только историческая школа совершила освобождение от этой подчиненности, доказала неправоту любой целостной системы идей, которую мы наблюдаем в естественном праве, естественной религии, абстрактном учении о государстве и абстрактной политэкономии. От нее по многочисленным каналам пошел поток новых идей ко всем частным наукам. Но она, историческая школа, еще до сих пор не преодолела свои внутренние барьеры, которые тормозят ее теоретическое взросление и ее влияние на жизнь. Использованию исторических явлений [для анализа] не хватает их увязывания с последними данными [полученными при изучении] сознания, [а также] не хватает философских оснований, к которым тщетно стремились Конт, Дж. С. Милль и Букле посредством переложения [на гуманитарные науки] естественнонаучных принципов. Протест глубоких и полных жизненных сил личностей (как, например, Карлейль[22]) против этой убогой школы [ложно имитирующей естественные науки] должен быть замещен истинным основанием гуманитарных наук; это высокая цель, которую поставил

[22] По-видимому, здесь речь идет о Томасе Карлейле (Thomas Carlyle, 1795–1881) — британский (шотландский) писатель, историк и философ.

перед собой Дильтей. Он не хочет вернуться ко времени, предшествующему возникновению исторической школы, как это делает Менгер, а [наоборот] продвигается вперед в эпистемологической области.

В первой, вводной книге, на содержании которой мы можем теперь остановиться, он исходит из противопоставления естественных наук гуманитарным наукам, несмотря на множество связей между ними. Науки о человеке, обществе и истории характеризуются двумя типами оснований. [С одной стороны] отдельный человек изучался только с помощью биологии отмечая при этом, что личность и общество соотносятся с природой и господством над ней. [С другой стороны] мир причин духовного замыкался на самого себя, при котором имело место разделение духовных и материальных процессов и несопоставимости их оснований.

Отдельные гуманитарные науки выросли благодаря практике жизни. После того как великие теоретики сократовской школы представили в научных рамках совокупность наших познаний, дальнейшее развитие комплексных научных теорий связано преимущественно с потребностью профессионального образования руководящих кадров, как показывают еще сегодня наши энциклопедии (например, энциклопедия Моля), а также недавно осуществленные попытки философских исследований (А. Конт, Спенсер, Стоун, Шеффле).

Материалом для всех гуманитарных наук является общественно-историческая действительность, если она сохраняется в сознании людей в качестве исторического знания и социального знания, которые становятся доступными для исследования. Этот огромный и все же неполный материал обеспечивается двумя составляющими: в отражении духовного развития в виде сочинений и в количественном выражении нынешнего состояния общества в виде статистики. Критический анализ связан с философиией. В географии и общественно-историческом повествовании при сборе материала осуществляется его [предварительная] умственная обработка.

Материал дает нам три класса высказываний: восприятие действительно происходящего, теоремы и оценочные суждения. Из этих трех классов тезисов и состоят гуманитарные науки. «И отношениия между историческим, абстрактно теоретическим и практическим направлениями в понимании проходят сквозь гуманитарные науки как общая основополагающая связь». Понятие индивидуализма так хорошо подходит для целей развития абстрактных однородных структур. Абстрагированное познание в равной степени необходимо для всех трех [вышеназванных] областей и является необходимым условием для возникновения отдельной науки, которая выделяет какую-то часть из социально-исторической реальности. Но наряду с этим цельному взгляду на действительность сопутствует требование [приоритета] ясности над абстракцией. «Размежевание этих наук, их здоровый рост в условиях специализации зависят поэтому от понимания того, как каждая их истина связана с совокупным целым» [Дильтей 2000: 305].

Антропология и психология, как науки о психофизических сторонах жизни, являются основой для всех других гуманитарных наук, — мысль, которую уже давно высказал оскорбленный Менгером Гильдебранд о национальной экономике. «Изучение психических массовых движений будет приобретать постоянно растущее значение»[23], - подобным тезисом ранее я уже возражал Менгеру.

[23] Сейчас многие исследователи «набухания пузырей» на различных рынках вновь открывают для себя эту истину.

Дильтей справедливо добавляет, что нельзя представлять отношения психических единиц к обществу в виде некоторой конструкции, которая позволяла бы неизвестному целому появляться как единая сила. Следует всегда исходить из психологии отдельного индивида, чем и объясняется значение биографии как важнейшего вспомогательного средства для дальнейшего развития реальной психологии[24].

Кроме того, с самого начала при рассмотрении общества индивид предстает как объект. Изучение общества и индивида дается нам легче, чем изучение природы, которая всегда противостоит нам как нечто чуждое. Общество же — это наш мир. [Это не что иное как] игра взаимодействий, в которой мы живем. Для того, чтобы построить картину его состояния, мы вынуждены все активнее прибегать к оценочным суждениям, с целью справиться с никогда не неутихающим побуждением воли трансформировать идею[25]. Существует, следовательно, самое непосредственное отношение к обществу, прямое практическое и теоретическое поведение к нему. «Поэтому науки об обществе, с одной стороны, вырастают из осознания индивидом собственной деятельности и ее условий. Так поначалу строилась грамматика, риторика, логика, эстетика, этика, юриспруденция, и этим объясняется, почему в совокупности наук о духе они продолжают занимать неопределенное срединное положение между анализом и правилополаганием, объектом которых является частная деятельность индивида и которые в качестве своего предмета имеют общественную систему в целом. Тот же интерес — по крайней мере на первых порах — отличал и науку о государстве: ведь в ней он уже тогда был связан с интересом к обозрению политических тел. Исключительно из этой потребности в свободном созерцающем обозрении, движимом внутренним интересом к человеческому, возникла впоследствии историография»[26] [Дильтей 2000: 315]. С последующим разделением профессий и потребностью технического образования возникли отдельные науки, и в них практическая потребность все больше оттеснялась интересами познания.

Великий процесс дифференциации общества отражается в разнообразных теориях и порождает их сосуществование. Положение каждой отдельной специальной науки определяется только отношением к жизненным фактам общественно-

[24] «Если биография является важным вспомогательным средством для дальнейшего развития подлинной реальной психологии, то, с другой стороны, свою основу она находит в теперешнем состоянии этой науки. Истинный биографический метод можно характеризовать как приложение антропологии и психологии к задаче живого и осмысленного описания жизненного единства, его развития и его судьбы» [Дильтей 2000: 311].

[25] «Как система телесных элементов, взаимодействующая с природой, внутренне мы такого взаимодействия никак не ощущаем. Поэтому и природа может представляться нам как выражение возвышенного покоя, но это впечатление тут же исчезло бы, если бы в ее элементах мы открыли или вынуждены были представить ту же изменчивую игру внутренней жизни, какой исполнено для нас общество. Природа чужда нам. Она для нас лишь внешнее, никак не внутреннее. Общество — вот наш мир. Игре взаимодействий в нем мы сопереживаем всеми силами нашего существа, ибо внутри себя самих обнаруживаем живейшее волнение тех состояний и сил, из которых и строится его система. Образ его состояния нам приходится постоянно совершенствовать в вечно подвижных ценностных суждениях, неустанно изменяя его — по крайней мере в представлении — движением воли» [Дильтей 2000: 312].

[26] Цитате, приведенной Шмоллером, непосредственно предшествовало следующее очень важное утверждение: «Индивид сознательно осуществляет свою деятельность по отношению к общественному целому, устанавливает правила этой деятельности, ищет ее предпосылки в совокупной связи с духовным миром. Вместе с тем, стремясь схватить это целое в познании, он действует как созерцающая интеллигенция» [Дильтей 2000: 315].

исторической действительности и их описанию, а не отношением к общей высшей обобщенной науке.

Изучение естественного разделения людей уходит своими корнями в этнологию, которая вместе с историей народов дает картину самостоятельных культурных центров, индивидуальных единиц жизни. То, что называют душой, или духом народа, может быть раскрыто только путем изучения языка, искусства и т.д., т.е. путем раздельного исследования абстрактных сущностей, причем из исторической жизни народов выделяется фактический материал, исходя из определенной цели. Речь идет о ряде культурных систем, которые дают повод самостоятельным наукам; они все более или менее опираются на внешнюю организацию, которая дана человечеству. Науки о системах культур покоятся на психических или психологических составляющих, и этому соответствуют понятия, которые могут специфически отличаться от используемых в индивидуальной психологии и которые можно обозначить по сравнению с ними как определения более высокого порядка в конструкции гуманитарных наук. При таком разделении важно, прежде всего, что никогда не будет забыто влияние до некоторой степени (по государственным, экономическим, правовым соображениям) вырванных частей содержания на организм действительности, в котором пульсирует сама жизнь. «Фундаментальная ошибка абстрактной школы, — говорит Дильтей — заключалась в игнорировании связи отвлеченного частичного содержания с живым целым, а в конечном итоге, в отношении к таким абстракциям как к реальностям. Еще одним, но не менее роковым заблуждением исторической школы было то, что она пыталась найти защиту от абстракций в глубоком чувстве живой, наделенной иррациональной мощью действительности, которая выходила бы за пределы познания, опирающегося на закон достаточного основания[27]» [Дильтей 2000: 325].

Системы культур стоят рядом друг с другом таким образом, что сам индивид и почти каждый его поступок представляют собой точку их пересечения. Тот же самый поступок может иметь научную, экономическую, нравственную, правовую и т.п. стороны. В случае с правом системы культур еще не отделены от внешней организации общества. Право есть как бы целевая связь, основанная на правовом сознании как постоянно действующем психологическом факте. Внешняя организация общества и волевой фактический материал права, которые проявляют себя в императивах общей воли, связаны между собой. Правообразующими силами являются индивиды. Право — это система культуры, но одновременно больше, чем это — функция единства воли, которая образовалась во внешней организации общества.

Действия индивидов подразделяются на следующие системы: хозяйство, нравственность, язык, религия, искусство и наука, которые в этой последовательности входят в основание национальной организации. Из всех этих систем Дильтей в первую очередь подвергает тонкому анализу нравственность, чтобы потом перейти к внешней организации общества в семье, государстве,

[27] Закон достаточного основания, это общий логический принцип, согласно которому положение считается истинным только в том случае, если приведено достаточное основание его истинности. В составе достаточного основания должны быть заведомо истинные суждения, уже доказанные опытным путем или выведенные из истинности др. положений. Закон достаточного основания является общим методологическим принципом в логике. Впервые сформулированный Готфридом Вильгельмом *Лейбницем,* он характеризует одну из существенных черт логически правильного мышления — доказательность.

церкви, корпорациях, учреждениях и властных отношениях всех видов. Он разбирает факты, которые ведут к осознанию сообщества. Здравый смыл, чувство собственного существования, правило, зависимость, свобода, принуждение являются психическими и психофизическими фактами второго порядка, познание которых лежит в определениях и тезисах изучения внешней организации общества. Исходя из этих форм образуется бесконечное множество ассоциативных сетей и властных отношений. Семья есть плодородное чрево всякого человеческого порядка, всякой ассоциативной жизни. И все же даже в семье индивид остается, в своей глубине, сам для себя. Рассмотрение семьи как ячейки социальной ткани неизбежно должно закончиться социалистической организацией общества. Все ассоциации определяются их целями, функциями и структурами, которые образуют исходный пункт метода сравнения, достигаются ли отдельные жизненные цели лучше координированной индивидуальной деятельностью, или ассоциативно решаются общими отношениями жизнедеятельности индивидов, культурной системой и внешней общественной организацией. Государство, являясь сильной рукой, представляет собой ассоциацию, которая по власти превосходит все другие, удерживает и принуждает к отказу от беспорядочного насилия. Оно является условием координации индивидуальной деятельности и удовлетворения жизненных интересов общества. Государство является предварительным условием всякого правильного действия в системах культур.

Старейшее представление о естественном праве через позитивное право произошло из понимания того, что право является не просто проявлением единой государственной воли, но одновременно продуктом правового сознания, само по себе представляет культурную систему. Также независимость правовой науки по отношению к общественно-политическим наукам покоится на относительной самостоятельности права. «Концепция естественного права обернулась заблуждением потому, что целевую взаимосвязь права рассматривали как безотносительную — в частности, вне ее связи с хозяйственной жизнью и внешней организацией общества — и находящуюся по ту сторону исторического развития. Тем самым действительность была подменена абстракцией и множество форм правопорядка оказалось необъяснимым» [Дильтей 2000: 357]. Проблема, которую ставит естественное право, разрешима только в связи с историко-психологическим анализом и во взаимодействии с позитивными науками права.

Правовой науке противостоят общественно-политические науки. На закате греческих полисов появились два великих теоретика государства, которые заложили фундамент этой науки. Их теории можно понять только на почве тогдашнего состояния греческого государства, так же как и новейшие попытки создать определенную общественную науку можно объяснить определенными социальными и интеллектуальными условиями нашего века. Во всяком случае, последнюю задачу невозможно решить разметкой участка колышками (как это сделал Моль), а можно только путем открытия новых истин.

Бесконечное богатство духовной и общественной жизни и необходимость для каждого индивида вступать в отношения с целым общественно-исторической действительности ведет нас к вопросу: существует ли знание этого целого? Принесла ли нам такое знание немецкая философия истории или англо-французская социология? Дильтей это полностью отрицает. Только

прогресс отдельных наук может способствовать продвижению на пути познания общей взаимозависимости: историческое исследование, основанное на мастерстве отдельных гуманитарных наук, — только это поведет нас дальше, а не единство формулы мирового развития, будь оно выражено религиозно, метафизически, теологически. Это приводит к философско-историческим обобщениям, которые ослепляют, но не приводят к расширению познания. Конт также создал только натуралистическую метафизику истории, которая гораздо меньше соответствовала фактам исторического процесса, чем у Гегеля и Шлейермахера. Он верит, что духовная жизнь полностью зависит от физиологических фактов. Его исторический обзор покоится на натуралистическом трюке, состоящем в том, что передняя часть мозга достигнет превосходства над задней частью мозга, на открытии, которое потом преобразуется в общие, совсем не новые тезисы о возрастающем господстве человека над природой, о растущем влиянии интеллекта на эмоции, преобразовании социального эгоистическими наклонностями. Милль также хочет приспособить естественнонаучные методы для изучения гуманитарных наук, он не признает исторический характер этих наук, который заключается в прогрессирующем анализе непосредственного знания и в понимании с самого начала целого.

Тем, что философы истории создали нечто великое, они обязаны не общей теории, а одновременному овладению отдельными важными науками, для Вико это были юриспруденция и философия, для Гердера — естествознание и история, а Тюрго сочетал свой широкий взгляд с политэкономией, естественными науками и историей. Проблема познания исторической зависимости следующих один за другим состояний общества может решаться далее только на основе психологии и антропологии и посредством связи трех главных классов гуманитарных наук, а именно этнологии, науки о системах культур и науки о внешней организации общества. В возрастающем расширении и совершенствовании отдельных наук лежит условие полного овладения целым. Но отдельные науки нуждаются в осознании отношения их истин к действительности, определенные стороны которой они изучают, а также к другим истинам, которые подобно им также были выделены из этой действительности, т.е. они нуждаются в эпистемологических основаниях гуманитарных наук, которые одновременно являются критикой исторического разума[28], теорией познания и логикой.

Психические и психофизические факты образуют основу теории не только об индивиде, но также о системах культур и о внешней организации общества; также они лежат в основе исторического рассмотрения и анализа на каждой из их стадий. Важно исследовать эпистемологическую природу [этих фактов], т.е. как они нам даны, установить степень очевидности, которую они заслуживают — вот истинный метод исследования в гуманитарных науках, который показывает нам, каким образом и с какой степенью уверенности мы пришли к нашему знанию.

Я могу только от всего сердца и в благодарном признании со стороны общественно-политических наук пожелать Дилтею удачи! Пусть он скорее закончит то прекрасное, что он нам предложил, и о чем я в общих чертах поведал, охотно понимая, что при таком сжатии было упущено лучшее, что есть у Дильтея, а именно — тонкости его построений.

[28] См. работу Дильтея «Наброски к критике исторического разума». (Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дильтей В.* Введение в науки о духе. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
2. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. In Менгер К. 2005. Основания политической экономии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 289–495.
3. *Schmoller G.* Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften. In Schmoller G. 1998. Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998. С. 159–184.